

Театр

«Гамлет» в исполнении
английских артистов

Более трехсот лет назад создал Шекспир «Трагическую историю Гамлета, принца Датского», и столько же лет с неослабевающим интересом смотрят зрители во всех странах мира, в различных сценических трактовках это замечательное произведение.

Тема борьбы Гамлета — гуманиста со схоластичностью мыслей, чувств и нравов феодальной эпохи — это вечная тема борьбы с косностью и пороком всего того честного, правдивого, глубокого, непримиримого, что живет в сознании передового человека всех времен и народов.

Шекспир в «Гамлете» ведет эту борьбу со всей присущей ему огромной страстностью, и характеры его героев, природа их конфликтов с обществом от этого приобретают трагическое звучание.

В России «Гамлет» был всегда одним из любимых произведений. Лучшие русские писатели, критики, театральные деятели — Белинский, Тургенев, Станиславский — посвящали свои высказывания образу Гамлета и тем актерам, кто воплощал этот образ на сцене. Не раз ставился «Гамлет» и мастерами советского театра.

Однако Шекспир в своих лучших творениях настолько объемно, что редко какому-нибудь театру удастся полностью воплотить на сцене все неисчерпаемое богатство его мысли, всю силу переживаний его героев, стремительность и яркость сюжетных линий.

С тем большим интересом встретили москвичи гастроль английской труппы «Теннент» — постановку талантливым режиссером Питером Бруком трагедии «Гамлет». Крепнут культурные связи между Советским Союзом и зарубежными странами. И вот мы имеем уже возможность слышать в Москве Шекспира на его родном языке, в исполнении английских актеров.

Постановка Питера Брука основана на лучших традициях шекспировского театра. Прежде всего это та непрерывность, с которой развертывается действие. Декорации художника Джоржа Вакевича — скромные, в известной мере условные, но выразительные; блестящая разработка света, с необычайной четкостью подчеркивающая главные и второстепенные события трагедии; чувство меры в построении массовых сцен, умелое использование старинной музыки — все это подчинено основному: шекспировскому стремительному ритму.

Ему подчинены и действия актеров на сцене. Шекспир жил в динамическую эпоху и рассуждал о ней в своих драматических произведениях с необычайной энергией, не довольствуясь законами единства времени и места. Большие сцены прерываются короткими, но энергичными «проходами» — диалогами, а на смену им тем и другим возникают великолепные по своей поэтической форме и глубине философской мысли монологи.

Задача трудная, сложная. Актерам надо владеть совершенной техникой речи, выразительностью жеста, ярким воображением, быстрой эмоциональной реакцией на совершающиеся в пьесе события.

Следя за игрой наших английских гостей в «Гамлете», мы с удовольствием можем отметить, что эти важнейшие черты актерского мастерства присущи им в полной мере, хотя в труппе много еще совсем молодых исполнителей.

Пол Скофилд обладает отличными актерскими данными и большим личным обаянием. В прошлом у него ряд блестящих сыгранных ролей, в том числе и Константин Треплев в «Чайке» А. Чехова. И в это веришь, как это ни парадоксально, именно тогда, когда видишь его в Гамлете. Вот объяснение в любви с Офелией. С какой тонкостью, душевной глубиной, чистотой проводит его Пол Скофилд и прелестная Офелия — Мери Юр.

Вот знаменитый монолог «Быть или не быть...». Как просто, трагически просто начинается его Пол Скофилд и до какой силы доводит его под конец. Блестящая сцена

между ним, Розенкранцом (Джеральд Флад) и Гильденстерном (Давид де Кейсер) сыграна не только умно и тонко, но почти музыкально. Это одна из лучших сцен в спектакле и по режиссерскому рисунку. Смерть Гамлета — Пола Скофилда трогает зрителя до глубины души.

Советский зритель с удовлетворением отметит, что Гамлет Пола Скофилда и Питера Брука чужд того традиционного пессимизма, который с таким непонятным упорством навязывает буржуазное искусствоведение этому образу. Гамлет Пола Скофилда эвергичен, прост, глубоко человечен. Поэтому хочется, чтобы и отдельные ноты декламационного характера со временем ушли из партитуры роли Пола Скофилда, не снизив, разумеется, романтической и темперамента его героя.

У Питера Брука очень интересна трактовка ряда ролей. Прежде всего Офелия — Мери Юр. Как правильно, что это — простая «земная» девушка, искренняя и чистая в своей любви к Гамлету. Как замечательно она игравает сцену сумасшествия! Штамп некоей «поющей утопленницы» нарушен здесь резко и определенно режиссером, и Мери Юр на основе своих актерских данных создала замечательный по силе драматизма образ.

Снят с котурн безупречного «рыцаря чести» и Лаэрт (Ричард Джонсон). Это прежде всего любящий брат, простой, хороший юноша. И здесь чувствуется, что замысел режиссера нашел свое полное выражение в игре актера.

Очень интересен совсем «живой» Клавдий — Алек Клунс, когда-то сам игравший Гамлета. Никакого сценического «злодея». Яркий образец «правителя», для которого его желания и страсти — единственный закон жизни.

Менее понятна трактовка образа королевы у режиссера и у актрисы (Диана Уингард). Можно вполне поверить в ее порочность, но не в чувства матери. Тут еще чего-то не хватает актрисе. В слишком резких, крикливых тонах происходило на премьере ее объяснение с Гамлетом. На это указывали и некоторые газетные рецензии. Зато с каким удовлетворением отмечаем мы, что уже через два спектакля талантливая актриса совершенно по-другому играла эту сцену. Искренне, просто вела она ее: слезы, настоящие слезы сопровождали покаяние королевы.

Превосходен Полоний. Мягко, с юмором, совершенно реалистично играет старого министра Эрнест Тезигер. Эта роль требует большого мастерства, чувства меры, в ней много актерских «соблазнов». Эрнест Тезигер избежал их и создал жизненно правдивый образ.

Хорошо решены режиссером и четко разработаны актерами трудные роли Розенкранца и Гильденстерна. Менее удались роли первого и второго могильщиков, актеров бродячей труппы. Односторонен, однообразен Горацио. Призрака отца Гамлета, нам кажется, не нашел также своего решения. А вот маленькая роль придворного Озриа отлично вылеплена актером Тимоти Финли.

Мы упоминаем об этих частности лишь потому, что режиссерская работа Питера Брука стоит в спектакле на большой высоте и каждый отдельный штрих или подчеркивает ее достоинства или снижает их. Рядом с последней картиной, превосходно поставленной режиссером, хочется видеть также хорошо решенную сцену на кладбище, а ее пока нет в спектакле.

Стоит ли говорить о том, что значит поставить Гамлета, да еще в тот короткий срок, о котором писал Питер Брук (примерно один месяц!). Поэтому наши пожелания — это дружеский совет к дальнейшему совершенствованию спектакля, который нашел такой горячий отклик в наших сердцах и которому, мы уверены, суждена долгая сценическая жизнь.

Н. ГОРЧАКОВ,
заслуженный деятель искусств
РСФСР.